

ДНИ ПАСТЕРНАКА

10 ФЕВРАЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 100 ЛЕТ БОРИСУ ПАСТЕРНАКУ. В ДНИ ЮБИЛЕЯ В МОСКВЕ СОСТОИТСЯ МНОЖЕСТВО МЕРОПРИЯТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИМЕНЕМ ПОЭТА. ЭТО БУДЕТ СВОЕОБРАЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ПАСТЕРНАКА.

Неделя. - 10.90. - 5 Марта. (16) - с. 8

В Большом театре 9 февраля состоится юбилейный пастернаковский праздник. Он не будет похож ни на традиционный юбилейный вечер, ни на торжественное заседание, ни на концерт. Достаточно сказать, что режиссером представления стал известный кинорежиссер Сергей Соловьев, художник — В. Левенталь. Стихи Пастернака прозвучат в исполнении Иннокентия Смоктуновского, Николая Губенко, Аллы Демидовой, Леонида Филатова, в вечере примут участие выдающиеся музыканты, солисты балета. Наутро, 10 февраля, в переделкинском храме состоится служба, посвященная Пастернаку, затем участники пастернаковского праздника отправятся на его могилу. Наконец, днем произойдет открытие музея поэта в доме, где он прожил большую часть жизни и из которого четыре года назад было выброшено все, что могло бы о нем напомнить.

На 11 февраля намечено открытие мемориальной доски на доме № 2 по Садовой-Триумфальной улице. 12 февраля в Центральном Доме литераторов откроются — уже в третий раз — традиционные Пастернаковские чтения, на которых выступят советские и зарубежные ученые, писатели, деятели культуры. Кстати, ожидается приезд более семидесяти зарубежных гостей, в числе которых — всемирно известные писатели А. Миллер, К. Воннегут, У. Дж. Смит, У. Стайрон. Из Соединенных Штатов приедет Наум Коржавин, из Франции — Ефим Эткинд, из Англии — профессор Оксфорда Д. Д. Оболенский. В Музее изобразительных искусств имени Пушкина до 12 февраля будет открыта выставка «Мир Пастернака».

Накануне юбилейных торжеств наш корреспондент встре-

тился с поэтом Андреем ВОЗНЕСЕНСКИМ, председателем Пастернаковской комиссии.

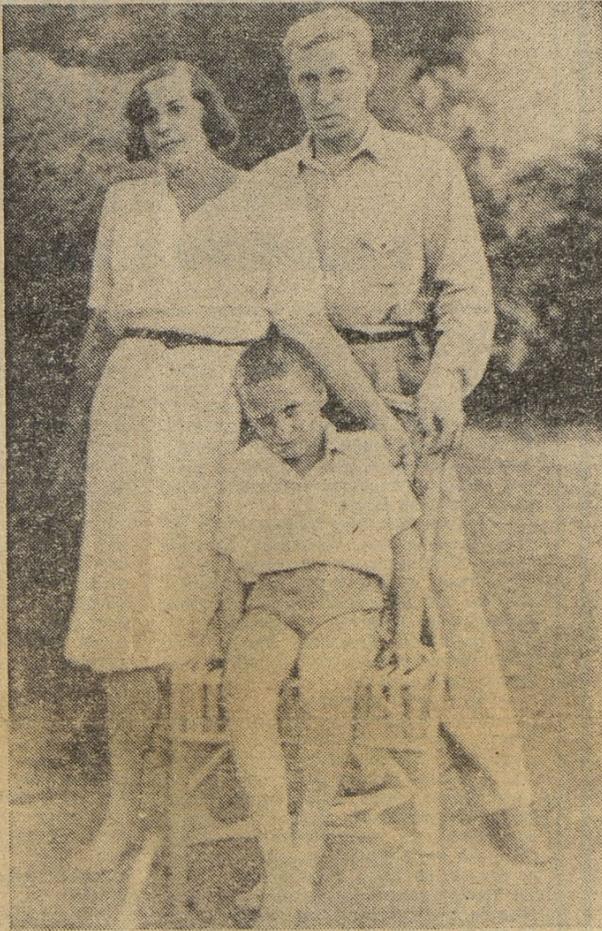
— Андрей Андреевич, скажите, все ли готово к празднику?

— Сейчас главная забота — открытие музея. Я только что переговорил с заместителем министра связи СССР, который обещал ускорить установку телефона на даче Б. Л. Пастернака, дом следует поставить на охрану, установить пост милиции. К сожалению, это до сих пор не сделано. Музей откроется, несмотря на то, что в журнале «Молодая гвардия» некий литератор потребовал открыть на даче Пастернака музей другого писателя, которому «Пастернак в подметки не годится».

Решение режиссера отменить в Большом театре традиционный президиум ставит комиссию в затруднительное положение. Высокие инстанции получили несколько писем, авторы которых требуют усадить их на сцене. «Я имею моральное право настаивать на том, чтобы сидеть в президиуме заседания». Прямо не знаю, что делать.

Я должен сказать, что все члены нашей комиссии очень много сделали, подготавливая этот юбилей: и Е. Пастернак, и Л. Озеров, и И. Антонова, и Ст. Лесневский.

Пастернак писал: «Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех». Казалось бы, будь он жив, он не одобрил бы размаха этих торжеств. Однако обратите внимание: «позорно» — «ничего не знача». Борис Леонидович так много значил и значит для русской культуры, что мы просто обязаны воздать ему должное. Умер Пастернак

униженным. Его роман был запрещен, из Союза писателей он был изгнан, от Нобелевской премии его заставили отказаться, он был назван предателем своего народа. А на самом деле

народ должен гордиться таким поэтом. Так что, широко отмечая столетие Бориса Пастернака, мы восстанавливаем справедливость, выполняем свой нравственный долг.

и пр., выдерживать их на той же глупой, безотрадной и обязательной малосодержательности, которая не только на руку власти, но и по душе самим пишущим, людям в большинстве неталантливым и творчески слабосильным, с ничтожными аппетитами, даже и не подозревающим о вкусе бессмертия и удовлетворяющимся бутербродами, зисами и эсками и тартинками с двумя орденами. И это — биографии! И для этого люди рождались, росли и жили. Ты помнишь, какое у меня было настроение перед войною, как мне хотелось делать все сразу и выражать всего себя, до самых глубин. Теперь это удесятерилось (...). Я не ангел, во мне целый ад сидит, мне некогда, для меня мерило — способность человека к самому простому и черному на свете, это я упаковываю, зашиваю и на своем горбу ношу тебе свои послышки. Вот с кем у меня неразрывный роман и дружба, это с переделкинскими соседями, почти со всеми (за малыми исключениями), главным же образом с Константином Александровичем¹. С ним и с Леоновым втроем, а может быть, еще и Корней Ивановичем Чуковский мы очень хотим съездить недели на две к вям в Чистополь — Берсут и потом вернуться в Москву, если будет куда вернуться, или принять эвакуированный из Москвы Союз писателей в свои чистопольские объятья на месте, если возвращаться будет некуда и поздно. Это так здраво и просто, что я прямо в такой форме и ставлю вопрос перед Союзом писателей, который должен нам дать свои бумажки для получения билетов и удобства переезда и поселения у цели путешествия. Но представь, пока что Союз нам во всем этом отказывает, потому что надо ломать (вместо настоящего серьезного патриотизма и серьезности жизни) какую-то детскую патристическую комедию, для которой требуется наше, и в особенности Кости Федина, присутствие в Москве. Я все же думаю, что в конце концов нас отпустят... Леонов почти рехнулся от тоски по своим, он плачет, молится богу, мы с Костей каждый день его успокаиваем, у него что-то вроде моей бессонницы 1935-го года (...).

октябрь 1941 (?)

Я пишу тебе всегда такой вздор. Как я люблю тебя. Письма же у меня такие, потому что я страшно занят мелкими заработками и вечно беготней и разъездами между развалинами городской квартиры (окна до сих пор не вставлены) и дачей.

(...) Положенье ужасное. Пал Киев. Все стоит перед каким-то скорым, неведомым и страшным концом. Но отчего нет страха в душе моей?..

1957 год

(...) Вчера я с десяти утра до трех просидел во МХАТе. Тарасова² играет с большим благородством и изяществом. Она совершенно овладела образом Марии и им прониклась, так что представление мое о Стюарт уже от нее неотделимо. Еще лучше играет, то есть пользуется возможностями, предоставляемыми текстом, Степанова³, но это еще роль, а Тарасова уже реальное лицо, уже история. Обе очень большие, великие артистки. Мы слишком легко ко всему привыкаем, слишком скоро все забываем. Хорошо играют и остальные. Хорошо скомпонованы уже две-три картины. Только две важные роли, кормилицы Кеннеди и погибающего за Марию юноши Мортимера, пока играют неудовлетворительно. Стихотворная форма заученного текста властвует над исполнителями, и они декламируют свои реплики, отвечают их риторически придумано, как урок. Кажется, что это единственные слова, которыми они располагают, и что они их говорят не потому, что их выбрали из множества других, а потому, что в голове у них одни только эти фразы, страх сбиться в ответе и горячее желание ответить на пятерку.

Между тем, Степанова в роли Елизаветы все время говорит медленно, с паузами, с выбором и так, точно она могла бы сказать и иначе, и что-нибудь другое, но сама предпочла выразиться так. Даже мне, знающему многие места ее монологов наизусть, казалось, что это ее собственные слова, что это она так придумала.

17 февраля 1957 г. воскресенье

(...) Гости разошлись. Были Ливановы⁴, художник Верейский с женой и режиссер театра им. Ермоловой П. Васильев. Андриуша⁵ с успехом читал свои стихи. Читал и я. Еыпили 5 бутылок коньяку и 2 бутылки водки. Ливановы напугали меня слухом, будто в марте будет премьера Марии Стюарт. Это слишком рано, они еще не готовы. Книга Тициана в типографии, в производстве, но больше ничего Старостин не знает.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Генрих Густавович НЕЙГАУЗ — музыкант, близкий друг Б. Л. Пастернака.
2. Константин Александрович ФЕДИН — писатель, сосед по Переделкину.
3. Алла Константиновна ТАРАСОВА — актриса.
4. Ангелина Осиповна СТЕПАНОВА — актриса.
5. Борис Николаевич ЛИВАНОВ — актер.
6. Андрей Андреевич ВОЗНЕСЕНСКИЙ — поэт.

● Зинаида Николаевна и Борис Леонидович Пастернак и их сын Лёня. 1948 г.

● В квартире поэта в Лаврушинском переулке, 17.

Из неопубликованных писем поэта

Письма Б. Л. Пастернака к жене, Зинаиде Николаевне, отражают черты времени, высвечивают житейские проблемы, заботы поэта. Здесь он, оставивший в свое время профессиональные занятия музыкой ради поэзии, делится своими впечатлениями от концерта Г. Г. Нейгауза, новой постановки МХАТа. Отрывки эти о музыке, о войне, о театре, о быте помогают хоть немного приблизиться к пониманию личности замечательного поэта, наждак страна которого ценна.

Редация выражает признательность Н. А. Пастернаку, предоставившей машинописный экземпляр писем.

9 июня 1931 г.

(...) Гаррик¹ все играл превосходно, вечер был настоящим триумфом. Но некоторые вещи (...) он играл сверхчеловечески смело, божественно, безбрежно властно, нежно-лепето до улутучивания, нематерьяльно. После баллады поднялся настоящий рев, полы тряслись, десять минут ему не давали перейти к Листу, его заразили, он забился, отбросил свои привычки, вставал и кланялся. Листом (этот дом) кончалась программа. Выходя в десятый раз на вызовы и просьбы бисировать, он среди водворившей тишины сказал, что нездоров и еле играет и что исполнит сейчас свое сочиненье. Он сыграл свою прелюдию, ту, которую я так люблю и часто напеваю, с широкой кантиленой и колокольчикоподобной второй темой. Он изумительно сыграл ее, и услышать ее было для меня торжеством: на концерте из-под рук Гаррика, в виде единственного биса, как он, по-видимому, решил, эта прелюдия была сигналом с эстрады, то есть свидетельством того, что и сам он проникся восторгами слушателей, и если не целил наконец себя, то хоть понял высоту и победоносность этого своего вечера, — в состоянии непобежден-

ной неудовлетворенности он бы себя не играл. И, сквозь печаль, он сиял и почти смеялся... его больше чем слушали: — слушались и любили. В напряжении предельной близости пол-зала поднялось после прелюдии, памятуя его слова об утомлении, и эта покорность гипнотически удаляющейся толпы, отказывающейся от новых требований, потрясла меня больше, чем бушевание оставшихся. Я зашел к нему в артистическую. Он все знал и понимал и был радостен. Мы разговаривали без сентиментов, близко и сухо, как братья.

(...) Пришел Гаррик, разговор о нем возобновился с удесятеренной силой. Александра Васильевна более чем ценит и понимает его, я боюсь недооценить силу ее чувства к нему, все равно какого, но заразительно глубокого. Все это очень затянулось, стало светать. Моя усталость бросалась всем в глаза, трое суток я был в пути и прямо с корабля на бал. Но стали упрощать почитать Цветаеву и в третьем часу ночи извлекли «Крысолова». Вещь превзошла Гарриковы ожидания, он плакал и как завороченный твердил: гениально, гениально. Я сам поразился, как всегда выше наших памятей высота настоящих созданий, как вновь и вновь обгоняют они нас и всегда кажутся неожиданными. В пять часов утра мы с Гарриком вышли Скарятинским на Поварскую. Было совершенно светло. Подметали улицы...

20 июля 1941

(...) Написал несколько новых стихов для «Красной Нови» взамен тех, довоенных. Хочу писать пьесу и вчера подал заявку об этом в Комитет по делам искусств. Меня раздражает все еще сохраняющийся идиотский трафарет в литературе, делах печати, цензуре и т. д. Нельзя после того, как люди нюхнули порохи и смерти, посмотрели в глаза опасности, прошли по краю бездны и пр.

5/14-90
Пастернак 1957 г.